

УДК 81'38  
ГРНТИ 16.21.55

*Е. Л. Калинина*

## **Стилистические особенности рассказа В. П. Астафьева «Сибиряк»**

В данной статье отражены результаты стилистического анализа рассказа В. П. Астафьева «Сибиряк», относящегося к раннему этапу творчества писателя. Исследование стилистически окрашенных лексических и синтаксических единиц в статье связано с интерпретацией идейной основы произведения, а также с характеристикой ключевых особенностей авторского стиля, проявившихся уже в первых литературных опытах и получивших развитие в дальнейшем творчестве Астафьева.

Ключевые слова: авторский стиль, стилистическая окраска, лексические единицы, синтаксические единицы, В. П. Астафьев.

*Elena Kalinina*

## **Stylistic Features of the Story "Sibiryak" by V. P. Astafiev**

This article reflects the results of stylistic analysis of V. P. Astafiev's short story «Sibiryak» which belongs to writer's early work. Study of stylistically colored lexical and syntactic units in the article is related to the interpretation of the ideological basis of the work. On the basis of stylistic analysis, the author also highlights key features of the writer's style which were already manifested in the first literary experiments and were developed in the further works by Astafiev.

Key words: author's style, stylistic coloring, lexical units, syntactic units, V. P. Astafiev.

Рассказ «Сибиряк», вышедший в 1951 году, явился первым произведением Виктора Петровича Астафьева на военную тему. Писатель прошел всю войну обычным солдатом, поэтому мог говорить об этом тяжелом времени от лица миллионов таких же рядовых. Данное произведение относится к раннему творчеству Астафьева, однако уже в нем проявляются идейно-художественные принципы писателя: установка на правдивый диалог с читателем, отсутствие идеологизации и приукрашивания правды жизненной и правды военной. Изначально рассказ носил название «Гражданский человек», однако в поздней

редакции автор изменил его, сместив таким образом смысловые акценты с противопоставления «гражданский, штатский человек» – «военный человек» на ассоциативную связь «сибиряк» – «сибирский характер», которая имеет положительный заряд в русском языковом сознании, связываясь с силой, твердостью и закалкой, так как в этом суровом краю, как отмечал В. О. Ключевский, «...человек то поминутно и попеременно приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действий, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям» [4, с. 50].

Раскрытие образа сибиряка является движущей силой произведения. В зачине новобранец Матвей Савинцев попадает во взвод связистов, и с этого момента автор отдельными штрихами рисует портрет героя-сибиряка и одновременно раскрывает его личность. *«Все разом полезли за кисетами. Но солдат с крупным, чуть рябоватым лицом успел раньше других сунуть свой кисет раненому. Тот неторопливо опустил на землю, поморщился и начал скручивать сигарку. Рябоватый боец с робостью и уважением следил за раненым, хотел о чем-то спросить, но не решался».* Во всем облике солдата автор высвечивает лишь лицо, подчеркивая его заурядность, «обычность» прилагательными-эпитетами «крупное», «чуть рябоватое».

Портретная характеристика героя детализируется в эпизоде встречи с лейтенантом. *«Рябоватый солдат сразу же попался на глаза лейтенанту. Простоватое лицо солдата с реденькими бровками расплылось в широкой улыбке, а добродушные серые глаза смотрели на лейтенанта так, будто он давно-давно знаком с ним и вот, наконец-то, встретился. Лейтенант не мог не ответить на эту улыбку – столько в ней было доверчивого и дружеского – и внимательней пригляделся к этому солдату».*

*Пилотка, еще новая, уже успела потерять свою форму и напоминала капустный лист, пряжка ремня сбилась набок, гимнастерка вся была в мазутных пятнах».*

Внешность солдата совсем не героическая, он лишен волевых черт, особой военной лихости и выправки, что подчеркивается неожиданным сравнением пилотки с капустным листом и другими деталями в описании его формы. Имя главного героя еще не введено в повествование, но читатель уже проникается симпатией к нему, благодаря авторской подаче. Астафьев использует особую палитру полутонов для описания лица героя, применяя экспрессивно-суффиксальные адъективы: он не рябой, а *рябоватый*, лицо – не простое, а *простоватое*, брови – *реденькие*. Неброская внешность расцветивается глазами и улыбкой, их лаконичное описание ограничивается несколькими эпитетами, но они очень важны для раскрытия характера: перед читателем предстает *добродушный, доверчивый, дружелюбный* парень.

Важно отметить, насколько точно автор уловил и выразил корневые черты сибирской внешности и натуры. Так, в работе «Русские старожилы Сибири» находим интересное замечание: «Русские Сибири, несмотря на то что пришли из разных районов России и в одних случаях смешивались с местным населением, а в других нет, характеризуются некоторыми общими чертами. У сибиряков более крупные размеры лица и носа...» [5, с. 119]. Авторы монографии «Сибирский характер как ценность» отмечают, что к сибирской ментальности относятся «трудолюбие, терпеливость, терпимость, миролюбие, доброта, отзывчивость, сердечность, открытость, любовь к Отечеству, гостеприимство, тяга к коллективному, любовь к природе – все то, что составляет совокупность особенностей духовного облика народа» [6, с. 63]. Это утверждение напрямую перекликается с авторской характеристикой героя: *«Покладистый, домовитый характер, готовность прийти каждому на помощь и ненадоедая словоохотливость помогли ему как-то незаметно сойтись с фронтовиками»,* и далее: *«Вроде бы и неповоротливый мужик Савинцев, да и не очень сообразительный, но дело свое исполнял старательно... Конечно, как и всякий связист, он что-то изобретал, приспособлялся к обстановке – иначе на войне нельзя. Война – это не только выстрелы, это очень много работы, порой непосильной работы.»*

Астафьевский слог здесь отличается разговорной простотой и доверительностью интонации, что поддерживается употреблением разговорной лексики: «мужик» (разговорное существительное), «вроде бы» (частица с разговорной окраской), нейтральных слов, широко распространенных в разговорной речи: «неповоротливый», «не очень сообразительный», «исполнял исправно», использованием конструкций разговорного синтаксиса: вводных слов («конечно»), присоединительных и вставных конструкций («да и не очень расторопный...», «...иначе на войне нельзя»), применением инверсии и коротких по объему предложений, включающих не более трех – пяти членов.

Разговорная тональность авторского слога органично сливается с речевой характеристикой героя: стилизация под крестьянский, народный язык здесь осуществляется с помощью элементов просторечия и диалектизмов. Рассмотрим эпизод, где Матвей Савинцев рассказывает о своих сыновьях.

*«– Школьник! – с гордостью говорил Матвей товарищам. – В четвертую группу зимусь ходил. И второй нынче тоже пойдет. Одежонку всем надо, катанки, книжки. Заботы-то сколько Пеллагее, заботы! – И примолкнет Матвей, задумается, а то и выдохнет: – Что-то они сейчас поделывают?»*

К диалектной лексике здесь относится наречие «зимусь». В словаре В. И. Даля находим, что *зѣмусь* и *зимѹсь* – это наречие, слово из северных и восточных областей. Означает – прошедшею зимой, в прошлую зиму [3, с. 705]. Данное слово входит в группу диалектных наречий с общим значением прошедшего времени: *зимусь, веснусь, летось, осенесь, утрось, ночесь*. К народно-разговорной лексике относится также существительное «катанки», так называются в Сибири валенки: «ходить в катанках. Высокие сибирские катанки» [2, с. 421]. Разговорную окраску носит наречие «нынче», экспрессивно-суффиксальный субстантив «одежонка», а также глагол «поделывать», образованный по экспрессивной разговорной модели префиксально-суффиксальным способом.

Отметим, что диалог вообще занимает важное место в композиции данного произведения: в форме диалога представлена значительная часть рассказа, с его помощью реализуются психолого-социальные характеристики персонажей. В языковом отношении важным инструментом создания диалога являются средства разговорного синтаксиса. Во-первых, это инверсивное расположение зависимых членов: «– *А чего мне мешать-то, когда линия ваша не работает, – добродушно усмехнулся Матвей. – Говорите лучше, кого надо, может, помогу вашему горю. Да не посылайте связистов к трубе – снайпер тут подкарауливает*», здесь наблюдается инверсивная постпозиция определения и обстоятельства – «линия ваша», «говорите лучше» (ср. типичное препозитивное расположение – «ваша линия», «лучше говорите»).

Во-вторых, парцелляция:

– *Фамилия?*

– *Савинцев моя фамилия. Матвей Савинцев. Я с Алтая. Может, слышали, деревня Каменушка есть недалеко от Тогула, так из нее.* Базовой частью парцеллированной конструкции является второе предложение, парцеллятом – третье предложение «Матвей Савинцев», которое носит уточняющий характер.

Еще одной приметой разговорного стиля являются неполные предложения: «*Лейтенант подумал еще и решительно произнес:*

– *В мой взвод, к связистам! У нас работы бывает всегда много*». В первом предложении прямой речи опущена предикативная основа «определяю» и дополнение «вас», которые могут быть восстановлены из предыдущего контекста: «– *Куда же мне вас определить? – покусал губу лейтенант, все еще меряя взглядом крупную фигуру бойца*».

С помощью неполных предложений, усиленных инверсией и междометиями, передается также эмоциональное состояние персонажей: «*Тогда Коля принялся сердито кричать:*

– *Деревенские мы... А мы, думаешь, кто?.. Я, может, сам. Я, может, пуще отца родного чту тебя... А ты... Эх ты...»*

Особое место в рассказе занимает авторская речь, которая иногда имеет сказовый характер, перекликаясь с разговорными интонациями речи героя: *«Подтянули свои огневые средства пехотинцы, пальнули – и это не помогло. День, второй прошел – ни с места. Встречались пехотинцам горы, перевалы и широкие реки. Одолевали их, шли без задержек, а тут из-за небольшого холмика такие дела разгорелись, что дым коромыслом»*. Отметим здесь разговорную окраску глагола «пальнуть», фразеологизмов «ни с места», «дым коромыслом», особую лаконичную динамику текста с опорой на простые глагольные сказуемые в однотипных синтаксических конструкциях с минимальным распространением.

Однако разговорная окраска не исключает лирико-философских обобщений, в которых воплощается разоблачительный антивоенный пафос. Астафьев использует здесь иные синтаксические инструменты. Это может быть умолчание, как в следующем отрывке: *«Простая жизнь, обыденные дела вставали в новой красоте. Раньше-то ее ни замечать, ни ценить не умели – все шло само по себе, все было как надо, и вот...»*.

Иногда автор прибегает к пояснительным и обобщающим конструкциям: *«Война – это не только выстрелы, это очень много работы, порой непосильной работы. И побеждает на войне тот, кто умеет работать, кто умеет порой сделать то, что в другое время казалось выше всяких сил»* или *«Родной край, своя деревня, свой дом всегда и всюду с солдатом – они врастают в его сердце навечно»*.

В композиции рассказа воплотилось противопоставление двух стихий: мирного, природного начала, воплощенного в сценах затишья между боями, в довоенных воспоминаниях героя и начала военного, разрушительного, антиприродного и античеловеческого. Слог описания мирного начала характеризуется эпичностью, замедлением темпа повествования за счет осложнения предложений однородными членами, использованием препозиции сказуемого для передачи обстановки, констатации факта, явления, употреблением сложных предложений смешанной структуры с различными видами связи.

*«... Утром закурился над землей какой-то робкий, застенчивый туман и быстро заполз в лога, нал тихою росой на траву. И роса была какая-то пугливая. Капли ее чуть серебрились и тут же гасли. И все-таки роса смыла пыль с травы, и когда из-за окоема, над которым все еще не рассеялся дым от вчерашних пожаров, поднялось солнце»*.

Повествование о военных буднях и боях, наоборот, характеризуется лаконичностью, резким, создающим ощущение военных приказов и докладов, стилем. Подобная стилистика реализуется за счет использования неполных предложений, простых предложений с минимальным распространением: *«Горят дома. Пылища мешается с дымом. Наносит горелым хлебом. Огороды сплошь испятнаны воронками. Сады перепоясаны окопами. <...>. А солнце печет, и дышать трудно. Щекочет в ноздрях, душит в горле».*

Обращает на себя внимание и прием членения текста, при котором обобщающие предложения вынесены в отдельные абзацы: *«... Утром закурился над землей какой-то робкий, застенчивый туман и быстро заполз в лога, нал тихую росой на траву. <...> И солнце, страдное, утомленное солнце светит так же, как светило в мирные дни над полями – с едва ощутимой ласковостью утром и с ярким зноем к полудню.*

*Страда наступила, страда...*

*Но вот справа, далеко за Михайловкой булькнул, как булыжник в тихий омут, минометный выстрел. <...> Заухало, загудело кругом. Канули, потонули в грохоте птичьих голосишки, и дымом заслонило спокойное, страдное солнце.*

*Боевой день начался».*

Абзацное выделение предложений «Страда наступила, страда...» и «Боевой день начался» лежит в основе антитезы. Естественный, природный ход жизни нарушен войной. Автор подчеркивает не просто мирную красоту природы, а крестьянский взгляд на нее, свойственный главному герою, для которого, как и для миллионов русских крестьян, конец лета – время страды, время запастись хлебом на зиму.

К особенностям композиции рассказа относится также фрагментарный принцип построения его начальной части: военный путь Матвея Савинцева представляется в виде отдельных эпизодов, авторских замечаний, диалогов. В каждом фрагменте, помимо реализации сюжетного движения, постепенно раскрывается характер сибиряка Матвея Савинцева, его нравственные установки, главными из которых являются трудолюбие, любовь к семье, к малой Родине. Это проявляется и в сцене знакомства Савинцева и лейтенанта:

*– Наша деревня особенная! – Савинцев оглянулся по сторонам, долго молчал, как будто подыскивая сравнение, и, не найдя его, со вздохом закончил: – Всем деревням – деревня!*

И в эпизодах фронтовых будней: *«В тихие вечера, когда война как-то сама собой забывалась и душа человеческая тоже сама собой настраивалась на мирный лад, Матвей рассказывал о своей родной Каменушке... Иной раз*

*Матвей доставал фотокарточку из кожаного, должно быть доставшегося по наследству, бумажника, подолгу рассматривал ее. На снимке был сам он с неестественно напряженным лицом, рядом жена с ребенком на руках, а впереди два мальчика».*

В авторской характеристике: *«Тонкости, которых много в боевой работе телефонистов, давались Матвеем туго. Впрочем, все в жизни давалось ему с трудом, поэтому он не падал духом, когда у него что-нибудь не получалось. Но уж если он что усваивал, то навсегда. <...> Матвей работал. Он первый стал перерезать нитку связи планкой карабина, зачищать провод зубами, обходиться в случае нужды без заземления. Но на фронте все изобретают, каждый час, каждую минуту изобретают, и этому никто не удивляется».*

Фрагментарный принцип построения композиции прослеживается вплоть до описания решающего дня подвига и гибели героя. Переход к этой части, занимающей почти две трети объема произведения, предваряется авторским замечанием: *«Но война есть война. На ней все равно найдется такое место, где человек окажется виден во весь рост».* Сюжетная канва последующей части рассказа прорисована хронологически детально, здесь характер сибиряка Савинцева раскрывается уже через действие.

Автор вводит читателя в курс военной ситуации, суть которой заключается в упорных боях за некую украинскую деревушку Михайловку, откуда никак не удавалось выбить фашистов. Именно в этом бою и становится «виден во весь рост» неприметный связист Савинцев. Проникшись общим для всех стремлением скорее выбить врага со своей земли, он проявляет лучшие качества сибирской природы. Храбрость Савинцева не безрассудная, скорее взвешенная, расчетливая, что хорошо видно в следующем эпизоде. *«Отключив аппарат, Матвей призадумался: смерть-то не тетка. Пошарил глазами вокруг себя, отыскивая место, по которому удобней пробраться к ручью. Метрах в двухстах от трубы росли низкие кусты ивняка, спускаясь к самой осоке, разросшейся по краям ручья. Ободряя себя, Матвей сказал: «Живем пока» – и пополз».*

Под огнем он не только восстанавливает связь, но и, благодаря крестьянской наблюдательности, определяет необычный по размерам стог, где спрятался немецкий снайпер: *«Когда снаряды начали рваться гуце, Матвей осторожно выглянул, приподнялся, осматривая поле с бабками снопов, и вдруг радостно забормотал:*

*– Эй, фриц, ни хрена же ты в крестьянском деле не смыслишь! Сколько снопов в бабку ставится. Пять! А у тебя почти десяток. погоди-и, научишься ты у меня считать...»*

Думается, уместным здесь будет привести цитату из монографии «Сибирский характер как ценность», в которой отмечается: «Коренной старожил-сибиряк отличался, по свидетельству современников, особой храбростью. Она не была безоглядной. Все отмечали «осторожную, расчетливую» храбрость, смелость. Особенно расчетливость и осмотрительность требовались человеку на охоте. Дикая звери не только служили объектом добычи, но часто подвергали опасности жизнь человека. Поэтому от сибиряка требовалось быстро принять решение, рассчитать силы, без подготовки ружья победить зверя ножом или рогатиной» [6, с. 49]. Очевидно, что подобные навыки были незаменимы и во время войны, отсюда и проистекает представление о сибиряках как о сильных умелых воинах.

В эпизоде противоборства со снайпером и затем в ситуации, когда Савинцев сообщает о вражеских танках в пойме ручья, герой следует неумолимой логике боя, здесь отсутствует ситуация выбора. Кульминационным же моментом является следующее за этим решение героя: *«Матвей схватил аппарат, опрометью кинулся из трубы к деревне, потом остановился, махнул рукой и вернулся обратно. Взяв в руки провод, побежал по высоте искать порыв на «Зарю». Матвея заметили. Вокруг него засвистели пули, хлопнул разрыв впереди»*. Так состоялся нравственный выбор героя между личной безопасностью и долгом.

Отметим также момент, который, на наш взгляд, выступает идейным центром всего произведения. Он выражен во внутреннем монологе Савинцева: *«Хм, чудак этот Голыба! Чудак. Все свое, все, и за эту вот деревушку, как за родную Каменушку, душа болит. Зачем ее так? Зачем людей чужеземцы позорили? Что им тут надо?..»* Любовь к малой Родине здесь вырастает до всеобъемлющего чувства любви и ответственности за всю родную землю, единение с которой символически выражается в сцене гибели героя, оформляющей финал рассказа: *«Мир раскололся от яркой молнии пополам, образовав огромную черную щель. В щель эту сначала огоньком, затем раскаленным шариком и, наконец, маленькой искоркой летел Матвей Савинцев, пока не угас.*

*Земля, пахнувшая дымом и хлебом, приняла его с тихим вздохом»*.

Анализ стилистики дебютного рассказа В. П. Астафьева позволяет отметить основные приметы оригинальной авторской манеры, получившие развитие в дальнейшем творчестве. К ним относятся: воссоздание внутреннего мира человека из народа посредством разноуровневых элементов разговорной речи, сдержанный лиризм, воплощенный минимальной палитрой тропов, психологизм, передающийся посредством диалогов и внутренних монологов, реалистичность повествования.

### Список литературы

1. Астафьев В. П. Сибиряк. Пермь: Кн. изд-во, 1969. 26 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с.
4. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. 430 с.
5. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 189 с.
6. Сибирский характер как ценность: коллективная монография. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2004. Т. 1. 256 с.

### References

1. Astaf'ev V. P. *Sibiryak* [Siberian]. Perm': Kn. izd-vo, 1969. 26 p. (In Russian).
2. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language] gl. red. S. A. Kuznecova. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russian).
3. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] St. Petersburg: Tip. M. O. Vol'fa, 1880. T. 1. 723 p. (In Russian).
4. Klyuchevskij V. O. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: in 9 vol.] Moscow: Mysl' Publ., 1987. T. 1. Kurs russoj istorii. CH. 1. 430 p. (In Russian).
5. *Russkie starozhily Sibiri: Istoriko-antropologicheskij ocherk* [Russian old-timers of Siberia: Historical and anthropological sketch Russian old-timers of Siberia: Historical and anthropological sketch] Moscow: Nauka Publ., 1973. 189 p. (In Russian).
6. *Sibirskij harakter kak cennost': kollektivnaya monografiya* [Siberian character as a value: collective monograph] Krasnoyarsk: Krasnoyaskij gos. ped. un-t im V. P. Astaf'eva, 2004. T. 1. 256 p. (In Russian).